

МЕГАПОЛИС

Не злись, мой гиблый мегаполис,
сиренами ментов не вой.
Тобою выписан мне полис —
от всех печалей — страховой.
Ложь твоих фейковых газонов,
твоих неискренних огней,
твоих неистовых кобзонов
терпеть мне до исхода дней.
Терпеть бардак твоих сезонов,
жару и слякоть, гарь и шум,
без объяснения резонов:
год за два, три еще — «на ум».
Мой мегаполис, лис хитрющий,
свари мне тушку Колобка:
пусть будет твой отвар погуще,
чтоб жег от глотки до лобка.
Не уставай, мой строгий город,
мне дело липовое шить.
Пока трясешь меня за ворот,
я жив и буду дальше жить!

МОЯ МОСКВА

Не рыхлым снегом, мать твою ети,
не скользкой плиткой
в пешеходных зонах,

не мусором в загаженных газонах,
но болью ностальгической в груди
с тобою связан, строгий город мой.
Пропитан смогом я твоим и вкусом
той булочки из детства,

теплой, с маком,
и долгой жизнью за своей кормой.
Я обречен всегда тебя блюсти,
терпеть твои голимые подставы,
стоять последним стражем у заставы,
любить тебя, ах, мать твою ети!

ОПЯТЬ МОСКВА

Яну Бруштейну

Я все равно ее люблю,
ее, огромную без меры,
мне данную как символ веры,
дурацкую Москву мою.

Вдыхаю я вздох сирень,
топчу чуму казенной плитки
и путь, со скоростью улитки,
по пробкам мне вершить не лень.

Как заблудившийся олень,
я в омутах ее проспектов
тону субъектом среди объектов,
но выплываю, как пельмень.

И растворяется тоска
в цыганщине иллюминаций,
и мне легко в приюте наций
кутенком у ее соска.

МОСКВИЧКА

Марии Гадас

В эпохе камней и камелий
не найден альков для нее.
И мелет московский Емеля
в труху ее точки над «ё».
В потоках метрополитена
сплавляясь в пасленовый ад,
она не ползет на стену,
а гордо залезет в айпад.
Нет, не перелетная птичка —
она здесь на тысячу лет,
она здесь лелеет, москвичка,
свой белый единый билет.

И еле добравшись до лета,
в юбчонке короче, чем ночь,
на улице склеит поэта,
мечтая судьбу превозмочь.
Ни годы, ни гады, ни сплетни
не смогут ее опалить!
А я, от рожденья столетний,
ей дан, чтоб понять и... налить.

СТОЛИЦА

Я ловлю каждый лист,
опадающий с чахлах дерев,
хамской плитки приемлю
шершавые серые ранки,
фонарей неуместных
беру на себя перегрев
и наглюющих байков терплю
по ночам перебранки.

Институтка-Москва,
мне с тобой еще вальсы кружить,
удивляться, чудачить,
томиться в привычной неволе,
проклинать свою слабость
и жалкому клану служить —
все приемлю, доколе
дано на последнем приколе
мне, ворчливому, жить
и над новой строкой ворожить!

МАЙ

Владимиру Вишневному

Загуляла Москва:
здесь сирень и черемуха «жгут»,
наших жухлых рецепторов
тянут сопревшие репки.
И свивает тоска
уже нервы в натуженный жгут,
и не скрепы нас держат,
а юности ржавые скрепки.

Снова краткий сезон
до предела растущего дня,
когда утро — в четыре
и ночь незаметна по пьяни.
После ливней — озон,
и рассветы краснее коня,
и согласие в мире,
и радость и в ине, и в яне.

